

Рец. на кн.: Lewin M.
**Das System der Ideen:
 Zur perspektivistischen Begründung der
 Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte.**
 Freiburg ; München : Alber, 2021. 378 S.

Л. Ф. Гарсия^{1, 2}

В «Философских лекциях», прочитанных в 1804 г., Фридрих Шлегель проницательно определил одну из центральных трудностей «Критики чистого разума», в которой «критика философии тщательно смешана с критикой нашей способности познания» (Schlegel, 1804, S. 240–241). Та же самая трудность лежит в основе книги «Учение о познании» (*Wissenschaftslehre*) Фихте, которая представляет собой попытку превратить философию в научную доктрину и проследить, как все познавательные способности восходят к единому основополагающему принципу. Если, как утверждает Шлегель, переплетение этих линий является основной трудностью трансцендентальной философии, то они в то же время частично обеспечивают и ее богатство, поскольку показывают, что все это предприятие находится на пересечении, выражаясь сегодняшним языком, *философии разума и метафилософии*.

Однако это богатство не было сохранено полностью на протяжении всей истории рецепции трансцендентальной философии. Действительно, с момента появления неокантианского движения, последовавшего за возникновением в XIX в. новой философской дисциплины — эпистемологии (*Handbook of Epistemology*, 2004, p. 3), в дискуссиях в этой области стала

¹ Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана.

Германия, D-80539 Мюнхен,
 Гешвистер-Шоль-плац, д. 1.

² Лёвенский католический университет.
 Бельгия, 3000, Лёвен, Оде-маркт, д. 13.

Поступила в редакцию: 03.09.2021 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

Book Review: Michael Lewin,
*Das System der Ideen:
 Zur perspektivistischen Begründung der
 Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte.*
 Freiburg & München: Alber, 2021, 378 pp.

L. F. Garcia^{1, 2}

In his *Philosophical Lectures* held in 1804, Friedrich Schlegel perspicaciously identified one of the central difficulties of the *Critique of Pure Reason*, namely the fact that in this work “the critique of philosophy is thoroughly mixed with the critique of our faculty of knowledge” (Schlegel, 1804, pp. 240-241). The same difficulty lies at the heart of Fichte’s *Wissenschaftslehre*, which is an attempt both to turn philosophy into a doctrine of science and to trace all cognitive faculties back to one grounding principle. If, as Schlegel claims, the interweaving of these strands is a central difficulty in transcendental philosophy, it is also part of its richness, since it shows that this enterprise lies at the crossroads of what would today be called “philosophy of mind” and “metaphilosophy”.

This richness, however, has not been entirely preserved throughout the history of the reception of transcendental philosophy. Indeed, since the appearance of the neo-Kantian movement, following the advent in the nineteenth century of a new philosophical discipline called epistemology (Woleński, p. 3), the mental strand of transcendental philosophy has overwhelmingly dominated the discussions

¹ Ludwig Maximilian University of Munich.

1 Geschwister-Scholl-Platz, Munich, D-80539, Germany.

² KU Leuven.

13 Oude Markt, Leuven, 3000, Belgium.

Received: 03.09.2021.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

доминировать ментальная ветвь трансцендентальной философии. Как следствие, трансцендентальная философия постепенно отделялась от метафилософских соображений. В фихтеанской рецепции это проявляется особенно отчетливо в недавней и в целом блестящей реконструкции проекта «Весь Фихте», авторы которого утверждают, что для завершения образа Фихте как трансцендентального философа необходимо рассматривать два других аспекта его мысли — метафилософский и популярный (Österreich, Traub, 2006, S. 11). Таким образом, они предполагают, что метафилософия не является существенной частью трансцендентальной философии. Они, конечно, правы в том, что касается обычного и доминирующего приема в трансцендентальной философии, но, как проницательно заметил Фридрих Шлегель в приведенном выше отрывке, это не то, каким образом трансцендентальная философия была сформулирована изначально. Некоторые недавние работы привлекли внимание к данному метафилософскому аспекту трансцендентальной философии, например блестящая книга Карин де Бёр «Кантовская реформа метафизики» (De Boer, 2020). В аналогичном направлении (однако в исследовании, посвященном в основном Фихте) Михаил Левин проделал превосходную работу по воссоединению ментальной и метафилософской составляющих трансцендентальной философии в своей книге «Система идей: О перспективистском обосновании разума вслед за Кантом и Фихте» (Lewin, 2021; далее в круглых скобках указываются номера страниц по этому изданию).

Книга разделена на две части. Первая посвящена подходу Канта и Фихте к разуму как способности производить идеи, а вторая — возрождению трансцендентальной философии как современной метафилософской исследовательской программы. Первая часть состоит из двух глав (2 и 3): в одной рассматривается подход Канта, в другой — Фихте. Взаимодействие автора с обоими философами завершается форму-

in the field. As a consequence, transcendental philosophy was progressively dissociated from metaphilosophical considerations. In the Fichtean reception, this is particularly clear in a recent and otherwise brilliant reconstruction of Fichte's entire project, *Der ganze Fichte*, where the authors claim it is necessary to complete Fichte's image as a transcendental philosopher by considering two *other aspects* of his thought: the metaphilosophical and the popular (Österreich and Traub, 2006, p. 11). They thus suggest that metaphilosophy is not an essential part of transcendental philosophy. They are certainly right as regards the usual and dominating reception of transcendental philosophy, but this is not the way transcendental philosophy was originally formulated, as Friedrich Schlegel has perspicaciously remarked in the passage above mentioned. Some recent works have contributed to highlight this metaphilosophical aspect of transcendental philosophy, such as Karin de Boer's brilliant *Kant's Reform of Metaphysics* (2020). In a similar direction, but in a work mostly focused on Fichte, Michael Lewin does excellent work to reconnect the mental and the metaphilosophical strands of transcendental philosophy in his *Das System der Ideen* (Lewin, 2021. Further in parentheses are the page numbers of this book).

The book is divided into two parts. The first is dedicated to Kant and Fichte's approach to reason as a faculty of ideas and the second to a revitalisation of transcendental philosophy as a contemporary metaphilosophical research programme. The first part has two chapters (2 and 3): one on Kant and one on Fichte. The author's engagement with both philosophers results in the formulation of a "concept of reason in narrow sense". The second part has six chapters: the first three present this notion of reason in narrow sense as a concrete contemporary "re-

лировкой «концепции разума в узком смысле». Вторая часть включает шесть глав: первые три представляют концепцию разума в узком смысле — как конкретную современную «исследовательскую программу», а в последних трех подробно обсуждаются критические возражения против этой программы с разнообразных современных перспектив. В своем проницательном аргументативном движении автор использует теорию Фихте о пятеричности — о пяти точках зрения разума, чтобы осмыслить некоторые из этих возражений в рамках фихтеанской метатеоретической структуры, которую сам автор называет «рефлексивным перспективизмом».

Первая глава первой части предлагает обновляющий подход к философии Канта. В самом деле, если верно, что центральное место в первой «Критике» занимает аргумент, обосновывающий необходимую связь между чувственностью и рассудком, то есть трансцендентальная дедукция, то столь же верно и то, что работа Канта является критикой *чистого разума*. Таким образом, автор, находящийся в диалоге с недавними исследованиями трансцендентальной диалектики Канта (см., напр.: Willaschek, 2018; Meer, 2019), предлагает подойти к критической философии, опираясь на кантовскую концепцию чистого разума. Согласно Левину, «чистый разум в основном определяется его продуктами — идеями» (S. 42). Он утверждает, что Кант извлекает понятие «идея» из философии Платона, но ограничивает его в двух отношениях: а) сферу его применения, которая включает не объекты возможного опыта, а скорее предполагаемые понятия совершенства, не встречающиеся в опыте (S. 50), и б) его природу, поскольку его онтологический статус подвергается критике, чтобы освободить место для его регулятивной роли «упорядочения интеллектуального знания в наиболее крупные возможные систематические единицы» (S. 99). Следовательно, по мнению автора, каждая из идей связана с конкретной упорядочивающей presupпозицией

search programme”, whereas the last three thoroughly discuss critical objections against such a programme from different contemporary perspectives. In an insightful argumentative movement, the author employs Fichte’s theory of quintuplicity, the five points of view of reason, to make sense of some of these objections within a Fichtean metatheoretical structure that the author calls “reflective perspectivism”.

The first chapter of the first part provides a refreshing approach to Kant’s philosophy. Indeed, if it is true that the central argument of the first *Critique* is the one grounding the necessary connection between sensibility and understanding, i.e. the transcendental deduction, it is no less true that Kant’s work is a critique of pure reason. The author thus suggests, in dialogue with recent research on Kant’s transcendental dialectic (such as Willaschek, 2018 and Meer, 2019), approaching critical philosophy on the basis of Kant’s conception of pure reason. According to Lewin, “pure reason is mainly defined by its products, the ideas” (p. 42). He argues that Kant extracts the notion of idea from Plato’s philosophy, but restricts it in two ways: (i) its scope of application, which does not include objects of possible experience, but rather presupposed concepts of a perfection not to be found in experience (p. 50); and (ii) its nature, since its ontological status is criticised in order to make room for its regulative role of “ordering intellectual knowledge into the largest possible systematic units” (p. 99). Each of the ideas is thus, according to the author, related to the specific ordering presupposition of the field in which it appears, and each of them is related to what the author calls “immanent functions of reason” (p. 102). The author identifies six kinds of ideas in Kant’s

того поля, в котором она появляется, и каждая из них связана с тем, что автор называет «имманентными функциями разума» (S. 102). Левин выделяет шесть видов идей в философии Канта (постулаты, практические идеи, эстетические идеи, трансцендентальные понятия разума, теоретические идеи и архитектурные идеи) и предлагает организовать их все, основываясь на том, что он именуется «седьмым видом», которым является «сам разум как способность идей» (S. 112). Таким образом, этот седьмой вид идей служит ключом к созданию наброска системы идей, который «будет осуществлен гораздо более радикально и систематически» в философии Фихте (S. 113).

Благодаря такому подходу к Канту переход к Фихте получается более плавным и естественным, чем те, которые непосредственно основаны на фихтеанском поиске первоначала. Как указывает автор, вопрос о первоначале является в философии Фихте не как проблема сама по себе, а как ответ на задачу систематизации «функций разума» (S. 114). Левин выделяет две модели систематизации: а) кантовскую, то есть перечисление фактически открываемых фактов сознания, связанных с соответствующими им законами и функциями (S. 116), и б) фихтеанскую, которая заключается в постижении «высшего и самого ясного из актов разума», с которым затем связаны все остальные принципы (S. 117). Согласно Левину, Фихте в ходе своего философского развития разрабатывает две различные стратегии определения этого высшего акта: первая (до 1800 г.) основана на акте, посредством которого разум обретает самосознание (S. 118); вторая (после 1800 г.) опирается на рефлексии об акте, посредством которого разум порождает свое высшее представление, абсолют (S. 141). Первая стратегия основана на размышлении о моментах самополагания разума, которые автор извлекает из собственного прочтения «*Nova Methodo*» Фихте, а именно: акт, непосредственное сознание, продукт и способность (S. 120). Вторая, по

philosophy (postulates, practical ideas, aesthetic ideas, transcendental concepts of reason, theoretical ideas and architectonic ideas) and proposes to organise all of them based on what he calls the seventh kind, which is “reason itself as a faculty of ideas” (pp. 112). This seventh kind would thus offer a key to sketch a system of ideas which will “be carried out much more radically and systematically” in Fichte’s philosophy (p. 113).

Based on this approach to Kant, the transition to Fichte is smoother and more natural than those directly based on Fichte’s quest for a first principle. As the author indicates, the question of a first principle appears in Fichte’s philosophy not as a problem in itself, but as a response to the challenge of systematising “the functions of reason” (p. 114). Lewin identifies two models of systematisation: (i) the Kantian one, i.e. an enumeration of the factually discoverable facts of consciousness, which are associated with their respective laws and functions (p. 116); and (ii) the Fichtean one, which is the grasping of the “highest and clearest of the acts of reason”, to which all the others are then related (p. 117). According to Lewin, Fichte develops in the course of his philosophical career two different strategies to determine this highest act: (a) one, until 1800, based on the act through which reason acquires self-consciousness (p. 118); (ii) another, after 1800, based on a reflection on the act through which reason generates its highest representation, the absolute (p. 141). The first is based on a reflection on the moments of the self-positing of reason, which the author extracts from his reading of Fichte’s *Nova Methodo*, namely: the act, immediate consciousness, the product and the faculty (p. 120). The second, according to the author, is a Fichtean strategic means to bring the public’s atten-

мнению автора, является для Фихте стратегическим средством привлечь внимание общественности к сложным операциям способности разума, который остается основополагающим принципом системы (S. 143).

Согласно автору, такая реконструкция позволяет избежать, с одной стороны, редукции принципа основания к голой рефлексии, как это делает Дитер Хенрих (Henrich, 1966), или к категорическому императиву, как предлагает Андреас Шмидт (Schmidt, 2004), а с другой – представления о фихтеанском изменении доктрины в результате позитивной переоценки божественного абсолюта, что можно найти, например, у Карен Глой (Gloy, 1998). Как утверждает автор, разум остается «истинным центром» проекта Фихте на протяжении всей его творческой деятельности (S. 158). Именно на основе размышлений об этом центре, по мнению автора книги, Фихте разрабатывает свою теорию пяти сфер действия идей: природы, морали, эстетики, религии и философии (S. 165). Философия здесь ассоциируется с разумом, понимаемым как способность, порождающая и архитектурическую идею, и обосновывающий принцип, – эту концепцию разума автор называет «разумом в узком смысле» (S. 180).

Вторая часть книги посвящена метафилософским следствиям такого отношения к разуму в узком смысле. Первые три главы (с 4-й по 6-ю) направлены на создание концепции разума как исследовательской программы. Согласно автору, разум в узком смысле не следует путать с современным понятием рациональности, поскольку он нацелен на изучение процесса формирования представлений, прослеживая их вплоть до первоисточника, но не охватывая различные области их проявления (S. 190). Он также несводим к понятию культуры, поскольку имеет дело со *способностью* разума, а не с материальными контекстами его проявлений (S. 197). И наконец, его нельзя отождествлять с объективным или абсолютным разумом в гегелевском смысле, поскольку он основан на рез-

tion to the complex operations of the faculty of reason that remains the grounding principle of the system (p. 143).

Following the author, this reconstruction avoids, on the one hand, the reduction of the grounding principle to bare reflection (as defended by Henrich, 1966) or to the categorical imperative (as proposed by Schmidt, 2004), and, on the other hand, the notion of a Fichtean change of doctrine due to a positive reassessment of the divine absolute (as can be found, for instance, in Gloy, 1998). As the author puts it, during Fichte's whole career, reason remains the "true centre" of his project (p. 158). It is based on a reflection on this centre that Fichte, according to the author, develops his theory of the five spheres of operation of ideas: nature, morality, aesthetics, religion and philosophy (p. 165). Philosophy here being linked to reason, understood as the faculty originating both the architectonic idea and the grounding principle – this conception of reason is what the author calls "reason in narrow sense" (p. 180).

The second part of the book extracts the metaphilosophical implications of this engagement with reason in narrow sense. The first three chapters (4, 5 and 6) aim to establish this conception of reason as a research programme. According to the author, reason in narrow sense should not be confused with the contemporary notion of rationality, since it aims to examine the formation of a representation by retracing it to its original source and not the different fields of its manifestation (p. 190). It is also irreducible to the concept of culture, since it deals with the *capacity* of reason and not with the material contexts of its manifestation (p. 197). And finally, it is not to be identified with objective or absolute reason in a Hegelian sense, since it is based on a

ком различии между способностью и ее применением — различии, отсутствующем в подходе Гегеля, который сосредоточен на конкретном развертывании проявлений разума (S. 206).

О том, что значит превратить такое понятие разума в исследовательскую программу, говорится в главе 5. Опираясь на работы философа науки Имре Лакатоса, автор понимает исследовательскую программу как нечто, относящееся как ко всем возможным научным областям, так и к различным теориям внутри одной области (S. 214–215). В основе такой программы лежит *жесткое ядро*, которое «определяется как часть методологического решения» и «защищается от опровержения» благодаря «постоянно модифицируемому» *ремню безопасности* из вспомогательных гипотез (S. 216). Защита происходит на основе двух взаимодополняющих стратегий: *негативной эвристики*, которая имеет дело с возникающими аномалиями программы, и *позитивной эвристики*, которая предвосхищает возможные препятствия (S. 216–218). В силу этой динамической природы исследовательских программ их можно рассматривать как прогрессирующие или деградирующие (S. 219–221). Автор видит в метатеоретическом подходе Лакатоса полезный инструмент для работы с разнообразными философскими течениями и школами, а также с различными теоретическими позициями, или сериями теорий (*Theorienreihen*), внутри каждой из них (S. 224). В частности, автор применяет его к собственному понятию разума в узком смысле, которое он извлекает из своей работы с философией Канта и Фихте. Таким образом, данная исследовательская программа содержит в своей основе *жесткое ядро*, в котором разум — это способность создавать и применять идеи, и нуждается в защите посредством выявления возможных аномалий и предвосхищения проблем и возражений (S. 232–236).

В главе 6 утверждается, что в зависимости от того, как именно понимается *жесткое ядро*, к нему предъявляются различные требования

sharp distinction between a faculty and its use, a distinction abandoned in Hegel's approach, which is focused on the concrete deployment of the manifestations of reason (p. 206).

What it means to turn this notion of reason into a research programme is discussed in chapter 5. Drawing on the works of the philosopher of science Imre Lakatos, the author defines "research programme" as something related to all possible scientific domains as well as to different theories within a field (pp. 214-215). The programme is based on a *hard core* that "is determined as part of a methodological decision" and "protected from refutation", thanks to an "always modifiable" *protective belt* of auxiliary hypotheses (p. 216). The protection occurs based on two complementary strategies: *negative heuristic*, that deals with occurring anomalies of the programme and *positive heuristic*, that anticipates eventual obstacles (pp. 216-218). In virtue of this dynamic nature of research programmes, they can be seen as either in progression or in degeneration (pp. 219-221). The author sees in Lakatos' metatheoretical approach a useful tool to deal with the different currents and schools in philosophy as well as with the diverse theoretical positions, or series of theories (*Theorienreihen*), within each of them (p. 224). In particular, the author applies it to his own notion of reason in narrow sense, which he extracts from his engagement with Kant and Fichte. This research programme is thus based on the hard core that reason is the faculty for creating and applying ideas, which is to be protected through the identifications of eventual anomalies and the anticipation of problems and objections (pp. 232-236).

Chapter 6 argues that, depending on the way the hard core is conceived, different demands and strategies of grounding are re-

и стратегии обоснования (S. 248–264). По мнению автора, когда разум определяется в узком кантовско-фихтеанском смысле, существуют три возможности его обоснования: 1) на основе «определенности актов разума», 2) на основе систематического «встраивания функций разума» (S. 269) или 3) на основе экспликации разнообразия мнений как различных проявлений разума. Именно этот подход, разработанный поздним Фихте, служит ключом к формулировке собственной позиции автора в оставшихся главах книги. Глава 6 завершается предвосхищением возражений против данной исследовательской программы. Автор организует их на основе «пяти тропов» античного философа-пирроника Агриппы против возможности существования первопринципа, а именно: бесконечный регресс, пресуппозиция, кругообразность, несогласие и относительность (S. 278–281). Последние два связаны с четырьмя поздними критическими замечаниями против понятия разума — констатацией его непривлекательности, злоупотребления властью, игнорирования им своих противоположности и интерсубъективности (S. 282–283).

В последних трех главах второй части (с 7-й по 9-ю) автор рассматривает возражения против такой исследовательской программы. Особенно серьезно он воспринимает возражения, связанные с понятиями несогласия и относительности. Его ответ основывается на том, что он назвал «рефлексивным перспективизмом», то есть на метатеоретической позиции, которая, с одной стороны, радикально принимает различия, а с другой — размышляет о них в рамках метафилософии (S. 288). Такова, по мнению Левина, наилучшая стратегия, позволяющая справиться с возражениями и тем самым обосновать разум в узком смысле (S. 289). Этот подход позволяет автору разработать стратегию оценки требований и притязаний, подразумеваемых каждой теоретической позицией (S. 298–299). Данная стратегия в двух последних главах книги становится основой для эффективного противостояния вышеупомянутым возражениям.

lated to it (pp. 248-264). According to the author, when reason is defined in the narrow Kant-Fichtean sense, there are three possibilities of grounding it: (1) based on the “certainty of the acts of reason”, (2) on a systematic “embedding of the functions of reason” (p. 269) or (3) on the explication of the diversity of opinions as different manifestations of reason. This latter is the approach developed by the late Fichte which offers the key to the formulation of the author’s own position in the remaining chapters of the book. Chapter 6 is concluded by the anticipation of objections against this research programme. The author organises them based on the “five tropes” of the ancient pyrrhonist philosopher Agrippa against the possibility of a first principle, namely: infinite regress, presupposition, circularity, dissent and relativity (pp. 278-281). The last two are associated with four recent criticisms against the notion of reason, namely: its unattractiveness, abuse of power, neglect of its counterpart and of intersubjectivity (pp. 282-283).

In the last three chapters of the second part (7, 8 and 9), the author engages with the objections against this research programme. He takes the objections related to the notions of dissent and relativity especially seriously. His response is based on what he calls a “reflective perspectivism”, a metatheoretical position that, on one hand, radically accepts difference, and, on the other hand, reflects on it within the framework of a metaphilosophy (p. 288). This is, according to Lewin, the best strategy to deal with the objections and therefore to ground reason in narrow sense (p. 289). This approach enables the author to develop a strategy to evaluate the demands and claims implied by each theoretical position (pp. 298-299). This strategy offers the background of

Пять тропов Агриппы рассматриваются в главе 8. Ответ на первые три тропа (бесконечный регресс, пресуппозиция и кругообразность) основан на понятии способности, рассматриваемой как возможность реализации чего-либо (S. 303). Разум в этом смысле — не онтологический первопринцип, а способность конструировать и использовать понятия, способность, которая, по мнению автора, *реально проявляется* в собственных операциях (S. 316). Два последних тропа (несогласие и относительность) обсуждаются в рамках теории точек зрения Фихте, которую автор отождествляет с понятием рефлексивного перспективизма. Эта стратегия раскрывает утверждения, предполагаемые каждым из различных мировоззрений, и открывает горизонт для возможностей их примирения в метафилософских рамках. Левин реконструирует фихтеанские определения пяти фундаментальных аффектов, на основе которых формируется видение целого: чувственный, правовой, эстетический, религиозный и рациональный (или научный). Каждый аффект связан с собственными требованиями и притязаниями, лежащими в основу представления обо всех остальных областях (S. 326). Все они по-своему разумны, но только последний является подлинно научным (S. 327).

В главе 9 обсуждаются четыре «общих места» (*topoi*) недавней критики разума. Против обвинения в непривлекательности автор тактически использует приемы перспективизма, чтобы доказать, что могут (и даже должны) существовать различные исследовательские программы, так что та программа, которая связана с разумом в узком смысле, утверждает лишь то, что мы можем рассуждать об идеях и способностях (S. 332). Что касается злоупотребления властью, автор указывает, что подобная критика не относится разуму в узком смысле, понимаемому как субъективная способность конструировать идеи (S. 337). Наконец, по вопросу игнорирования разумом своих противоположности и интерсубъективности Левин утверждает, что фокус на разуме, а не на этих других аспектах явля-

his effective engagement with the above-mentioned objections in the last two chapters of the book.

The five tropes of Agrippa are dealt with in chapter 8. The response to the first three tropes (infinite regress, presupposition and circularity) is based on the notion “faculty”, understood as the possibility of realising something (p. 303). Reason in this sense is not an ontological first principle, but a capacity to build and use concepts — a capacity that, according to the author, *actually appears* in its operations (p. 316). The two final tropes (dissent and relativity) are discussed within the framework of Fichte’s theory of points of view, which the author identifies with the notion of reflective perspectivism. This strategy exposes the claims implied by each different worldview and opens the horizon to the possibility of reconciling them in a metaphilosophical framework. Lewin reconstructs Fichte’s identification of five fundamental affects based on which a vision of the whole is generated: the sensible, the legal, the aesthetic, the religious and the rational (or scientific). Each affect is related to its own demands and claims based on which a view of all the other domains is generated (p. 326). All of them are reasonable in their own way, but only the last one is properly scientific (p. 327).

Chapter 9 discusses the four *topoi* of the recent criticism of reason. Against the accusation of unattractiveness, the author employs a tactical use of perspectivism to argue that there can (and even should) exist different research programmes, so that the one related to reason in narrow sense solely claims that we can talk of ideas and faculties (p. 332). In relation to the abuse of power, the author argues that this criticism does not concern reason in narrow sense, understood as a subjective capacity of build-

ется частью создания данной конкретной исследовательской программы, и это вовсе не исключает других исследовательских программ, которые в конечном итоге могли бы сосредоточиться на указанных других аспектах (S. 338–340).

Подход автора имплицитно поднимает ряд увлекательных вопросов. Какова связь между функциями разума, порождающими идеи, и функциями, порождающими таблицу категорий? Почему существует *семь* видов идей в критической философии Канта и *пять* точек зрения разума в поздней философии Фихте? Все ли они основаны на функциях разума? Что касается Фихте, то какова связь между четырьмя моментами самополагания разума и теорией квинтэссенции, которая была разработана позднее? Если разум и его продукты (идеи) являются путеводной нитью философского пути Фихте, означает ли это, что «Я» ранней философии Фихте — это идея разума? Если да, то как следует понимать его связь с особым видом интуиции (интеллектуальной)? Указывает ли эта связь с интуицией на то, что данная идея не полностью противопоставляется опыту? Более того, в метафилософской части автор предполагает, что различные исследовательские программы находятся в отношениях конкуренции друг с другом (S. 29, 237), тем самым указывая, что «разум в узком смысле» — одна из исследовательских программ среди прочих. Вместе с тем понятие рефлексивного перспективизма, основанное на теории точек зрения Фихте, представляет собой своего рода метатеорию, призванную обеспечить рамки для сосуществования различных точек зрения и тем самым избежать того, что Кант, как известно, назвал «полем битвы этих бесконечных споров» (A VIII; Кант, 1994, с. 9). Является ли исследовательская программа «разума в узком смысле» одной из других программ или это метаисследовательская программа, позволяющая избежать бесконечных споров между программами? Все эти вопросы — знак качества рецензируемой книги, поскольку они показывают, что автор попал в точку, обратившись к аспекту тран-

ing ideas (p. 337). Finally, regarding reason's neglect of its counterpart and intersubjectivity, Lewin claims that the focus on reason and not on these other aspects is part of the establishment of this specific research programme, which does not exclude other research programmes that could eventually focus on these other points (pp. 338-340).

The author's approach implicitly raises some fascinating questions, such as: What is the relationship between the functions of reason originating the ideas and the functions originating the table of categories? Why are there *seven* kinds of ideas in Kant's critical philosophy and *five* points of view of reason in Fichte's late philosophy? Are all of them based on functions of reason? As regards Fichte, what is the relationship between the four moments of the self-positing of reason and the theory of quintuplicity later to be developed? If reason and its products (the ideas) are the guiding thread of Fichte's philosophical path, does it mean that the I of Fichte's early philosophy is an idea of reason? If so, how should its connection with a special kind of intuition (the intellectual one) be understood? Does this connection with intuition indicate that this idea is not entirely opposed to experience? Moreover, in the metaphilosophical part, the author suggests that different research programmes stand in a relationship of competition to one another (pp. 29, 237), thereby indicating that "reason in narrow sense" is one among other research programmes. On the other hand, the notion of reflective perspectivism based on Fichte's theory of points of view is a sort of metatheory to provide a framework for the coexistence of different perspectives, and thus avoid what Kant famously called a "battle-ground of endless disputes" (*KrV*, A VIII). Is the research programme "reason in narrow

сцендентальной философии, заслуживающему внимания и исследования столь проникательного, как в этой работе. Шеллинг однажды сказал о трансцендентальной философии: ее величайшая заслуга состоит не столько в том, что она позволяет «распутать те проблемы, которые до тех пор представлялись нам неразрешимыми», сколько в том, что она порождает «совершенно новые вопросы» (Шеллинг, 1936, с. 4). Большая заслуга рассматриваемой книги состоит в постановке некоторых из этих совершенно новых проблем по отношению к современной практике философии.

Список литературы

Kant I. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3.

Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Л. : Соцэкиз, 1936.

De Boer K. Kant's Reform of Metaphysics: The Critique of Pure Reason Reconsidered. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.

Gloy K. Bewusstseinstheorien: zur Problematik und Problemgeschichte des Bewusstseins und Selbstbewusstseins. Freiburg ; München : Alber, 1998.

Handbook of Epistemology / ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Woleński. Dordrecht : Springer, 2004.

Henrich D. Fichtes ursprüngliche Einsicht // Subjektivität und Metaphysik. Festschrift für Wolfgang Cramer / hrsg. von D. Henrich, H. Wagner. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann, 1966. S. 188–232.

Lewin M. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021.

Meer R. Der transzendente Grundsatz der Vernunft: Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der „Kritik der reinen Vernunft“. Berlin : De Gruyter, 2019.

Österreich P., Traub H. Die ganze Fichte: Die populäre, wissenschaftliche und metaphilosophische Erschließung der Welt. Stuttgart : Kohlhammer, 2006.

Schlegel F. Philosophische Vorlesungen aus den Jahren 1804 bis 1806. 2. Aufl. Bonn : Weber, 1846. Th. 1.

sense” one among other programmes or is it a meta-research-programme to avoid endless disputes among programmes? All these questions are a sign of the quality of this book, since they show that the author hits a nerve by addressing an aspect of transcendental philosophy that deserves more attention and research, such as the insightful one presented in this work. As Schelling once said about transcendental philosophy: its greatest merit lies not as much in the fact of providing “a ready solution to problems hitherto insoluble”, but rather in the fact of generating “entirely new problems” (Schelling, 2005, pp. 23-24). It is a great merit of this book to pose some of these entirely new problems in relation to the contemporary practice of philosophy.

References

De Boer, K., 2020. Kant's Reform of Metaphysics: The Critique of Pure Reason Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press.

Gloy, K., 1998. Bewusstseinstheorien: zur Problematik und Problemgeschichte des Bewusstseins und Selbstbewusstseins. Freiburg & München: Alber.

Henrich, D., 1966. Fichtes ursprüngliche Einsicht. In: Subjektivität und Metaphysik. Festschrift für Wolfgang Cramer. Edited by D. Henrich and H. Wagner. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, pp. 188-232.

Lewin, M., 2021. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg & München: Alber.

Meer, R., 2019. Der transzendente Grundsatz der Vernunft: Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft. Berlin: De Gruyter.

Österreich, P. and Traub, H., 2006. Der ganze Fichte: Die populäre, wissenschaftliche und metaphilosophische Erschließung der Welt. Stuttgart: Kohlhammer.

Schelling, F.W.J., 2005. System des transzendentalen Idealismus. In: F.W.J. Schelling, 1976. Historisch-kritische Ausgabe im Auftrag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Edited by T. Buchheim, J. Hennigfeld, W. G. Jacobs, J. Jantzen and S. Peetz. Reihe I: Werke, Band 9, Teile 1-2. Edited by H. Korten and P. Ziche. Stuttgart: Frommann-Holzboog.

Schmidt A. Der Grund des Wissens. Fichtes Wissenschaftslehre in den Versionen von 1794/95, 1804/11 und 1812. Paderborn : Schöningh, 2004.

Willaschek M. Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

Об авторе

Луис Феллипе Гарсия, доктор философии, Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Мюнхен, Германия; Лёвенский католический университет, Лёвен, Бельгия.

E-mail: luisfellipegarcia@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2856-4428>

О переводчике

Полина Руслановна Бонадысева, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

Для цитирования:

Гарсия Л. Ф. [Рецензия] // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 2. С. 148—158. Рец. на кн.: Lewin M. Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021. 378 S.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-6

© Гарсия Л. Ф., 2022.

Schlegel, F., 1846. *Philosophische Vorlesungen aus den Jahren 1804 bis 1806*, 1. Teil, 2. Ausgabe. Bonn: Weber.

Schmidt, A., 2004. *Der Grund des Wissens. Fichtes Wissenschaftslehre in den Versionen von 1794/95, 1804/11 und 1812*. Paderborn: Schöningh.

Willaschek, M., 2018. *Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Woleński, J., 2004. The History of Epistemology. In: I. Niiniluoto, M. Sintonen and J. Woleński (eds.). *Handbook of Epistemology*. Edited by Dordrecht: Springer, pp. 3-54.

The author

Dr Luis Felipe Garcia, Ludwig Maximilian University of Munich (LMU), Munich, Germany; KU Leuven, Leuven, Belgium.

E-mail: luisfellipegarcia@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2856-4428>

To cite this article:

Garcia, L.F., 2022. Book Review: M. Lewin, *Das System der Ideen: Zur perspektivistischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte*. Freiburg & München: Alber, 2021, 378 pp. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 148-158.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-6>

© Garcia L. F., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))